

Ю.К. Абаев

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.И. ПИРОГОВА

Кафедра детской хирургии (зав. – проф. В.И. Аверин) Белорусского государственного медицинского университета, г. Минск, Беларусь

Ключевые слова: Н.И. Пирогов, философия, мировоззрение.

Великому русскому хирургу Н.И. Пирогову (1810–1881) посвящена обширная литература, однако его научная деятельность зачастую рассматривается в отрыве от важнейших гносеологических проблем. Суждения о мировоззрении ученого нередко основываются на отдельных цитатах из «Дневника старого врача», написанного незадолго до смерти. Встречаются и односторонние оценки его философских взглядов. Существует мнение, согласно которому научное творчество ученого делится на два периода: в первый – до середины 50-х гг. XIX в. – он, будто бы, стоял на позиции материализма, а во второй, после 50-х гг. – склонялся к идеализму и теологии. Подобные взгляды не являются справедливыми. Научные и философские воззрения Н.И. Пирогова на протяжении всей его деятельности основывались на фундаменте стихийного естественнонаучного материализма, однако ограниченность данного материализма нередко приводила его к гилозоистским*, а иногда и к идеалистическим выводам [26].

История развития медицины – это непрерывное противостояние материалистического и идеалистического мировоззрений. Об этом свидетельствует борьба врачей-материалистов Х. Леруа, Ж.О. Ламетри, П.Ж. Кабаниса, К.Ф. Вольфа и других, против идеализма Г. Шталя, Ф. Гофмана, М.Ф. Бишá и их последователей. Последние считали – ни физика, ни химия для медицины значения не имеют, а роль врача сводится лишь к наблюдению за спасительными движениями души в борьбе с болезнью. Материалисты конца XVIII – начала XIX столетий были метафизиками. Ведя борьбу против витализма, признающего наличие особой жизненной силы (*vis vitalis*) в животных и растениях, они не дошли до эволюционного понимания живого организма и не рассматривали его в единстве функционирования всех органов и систем [10, 13, 14, 25, 30].

Россия имела сильные материалистические традиции, восходящие к

*гилозоизм – философское учение о всеобщей одушевленности материи М.В. Ломоносову. Передовые русские врачи-мыслители – С.Г. Зыбелин, Е.О. Мухин, П.А. Загорский, М.Я. Мудров, И.Е. Дядьковский использовали для решения проблем теоретической и практической медицины элементы материалистической диалектики (целостность организма, взаимосвязь с окружающей средой). В отличие от Германии в России натурфилософия оказала меньшее влияние на естествознание. Тем не менее, в начале XIX в. натурфилософские идеи Ф. Шеллинга стали проникать в естествознание. Таким образом, в 30–40 гг. XIX в., когда развернулась научная деятельность Н.И. Пирогова, актуальной задачей являлось преодоление шеллингианства и борьба против виталистических концепций в медицине [7, 9].

Московский университет быстро похоронил обрядовую религиозность, в которой воспитывался Николай Пирогов. Здесь будущий ученый узнал о Ф. Шеллинге, Г. Гегеле, Л. Окене. Знакомство с трудами Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, И.В. Гете, А. Гумбольдта, материалистические тенденции в преподавании профессоров Е.О. Мухина, М.Я. Мудрова, Х.И. Лодера содействовали формированию мировоззрения студента Пирогова в духе естественнонаучного материализма [11, 12, 19, 20]. Негативное отношение Н.И. Пирогова к натурфилософии Ф. Шеллинга еще более окрепло во время пребывания в Германии (1833–1835), где он завершал подготовку к профессорской деятельности. Здесь будущий ученый стал свидетелем развернувшейся в германской науке борьбы опытного естествознания с созерцательной натурфилософской метафизикой с одной стороны и проникновения в науку гегелевской идеалистической диалектики, утверждавшей идею развития – с другой.

Это был период, когда медицина только становилась на путь научного естествознания, преодолевая умозрительные системы. Н.И. Пирогов вспоминал: «Я застал еще в Берлине практическую медицину почти совершенно изолированную от главных реальных основ ее: анатомии и физиологии. Было так, что анатомия и физиология сами по себе, а медицина сама по себе». Научный эксперимент, начавший триумфальное шествие благодаря И.П. Мюллеру, Ф. Веле-

ру, М.Я. Шлейдену и другим, создавший основу дальнейшего развития медицины, еще не проник в клинику [1, 27, 29]. В этой обстановке борьбы нового со старым, где можно было легко подпасть под влияние гегелевского «абсолютного духа» и обывательского эмпиризма, господствовавшего в германской медицине, Н.И. Пирогов не только не растерялся, но и прекрасно ориентировался. Он сразу оценил значение работ И.П. Мюллера, И.Л. Шенлейна, братьев Вебер, Ф. Шлемма имена которых были связаны с прогрессивными идеями в медицине [8, 15, 28] (рис. 1).

Николай Иванович принадлежал к большинству естествоиспытателей с неосознанным убеждением в объективной реальности внешнего мира, отражаемой сознанием. Стихийность естественнонаучного материализма подчеркивалась тем, что себя он не причислял к материалистам. В «Дневнике» имеется запись: «Я должен привести себя в ясность – насколько я материалист; эта кличка мне не по нутру... Но что за дело до клички? Главное сделать для себя ясным свое мировоззрение». При этом необходимо иметь в виду, что философский материализм отождествлялся им с вульгарным («чистокровным») материализмом Л. Бюхнера, К. Фогта и Я. Молешотта, который не мог удовлетворить его мировоззренческим запросам [5, 16, 26].

Для естествоиспытателей XIX в. характерным было отрицательное отношение к любым философским системам и попытки строить общие выводы на основе фактов и законов естественнонаучных исследований. Это объяснялось с одной стороны, ограниченностью и метафизичностью их стихийного материализма, а с другой – негативным отношением к вульгарному материализму. «Кто пережил уже кое-что на своем веку, – писал Н.И. Пирогов, – тот вспомнит, с каким пренебрежением относились в 20–30-х годах нашего столетия гегельянцы и натурфилософы к скромным и приниженным (в то время) эмпирикам, платящим теперь, в свою очередь прежним мудрецам той же монетой» [13, 18].

Николай Иванович с самого начала своей научной деятельности отмежевался от натурфилософской умозрительной трактовки проблем биологии и медицины и встал на путь опытного раскрытия сути явлений, происходящих в ор-

ганизме. Он ясно представлял, что развитие научного знания связано с выявлением сущности «того, что есть», как писал Ф. Мажанди, а не конструированием спекулятивных «теорий», лишенных фактического подтверждения [20].

Распространение эмпирических тенденций в медицине XIX в. являлось следствием конфликта между господствовавшей идеалистической философией, пытавшейся навязать естествознанию априорные «законы» и успехами экспериментальных исследований, опровергавших спекулятивные построения натурфилософии и других идеалистических систем. Н.И. Пирогов был свободен от односторонности эмпиризма, верно понимая соотношение фактических данных и логического мышления в процессе научного исследования.

Николай Иванович писал: «... самый отчаянный эмпиризм, не признающий, не желающий знать ничего, кроме фактов и чувственных впечатлений, в конце концов, руководится отвлечением, т.е. мыслью ...одни чувственные впечатления без сознательной руководящей мысли пригодны разве для одного эмпирика-эпикурейца, но никак не эмпирика-наблюдателя. Вообще, – писал он далее, – мне кажется слишком школьным и тот анализ нашего мышления, которым мы обыкновенно руководствуемся... без ощущения немислимо мышление, без внимательности и без памяти ощущаемое было бы одним эфемерным и бесследным возбуждением и без фантазии не может обойтись и самый точный математический прием мышления» [18]. Как видно, Н.И. Пирогов не разграничивал идеалистический (Д. Беркли, Д. Юм и др.) и материалистический (Ф. Бэкон, Т. Гоббс и др.) эмпиризм и фактически исходил из материалистической диалектики, рассматривающей ощущение и мышление как две стороны единого процесса познания.

Характерным для Н.И. Пирогова было уважение к факту: «Факт, вовсе не так поворотлив, как язык, а дознанный факт так не поворотлив, что он всегда был камнем преткновения умозрений». Собранные факты требуют анализа и синтеза. Н.И. Пирогов анализирует факты и исполненный глубочайших сомнений ищет ответа в статистике: «В такой науке, как хирургия, нет более верного средства для суждения в значительности той или другой болезни и о пользе то-

го или другого способа лечения, как статистика.... Она важна потому, что заменяя цифрой понятия о часто, редко, иногда, дает более точные понятия о натуре болезни и о действии употребленных им средств» [2, 21].

Точность наблюдения предполагает критическое отношение к результатам исследований. Это – еще одна особенность научного творчества Н.И. Пирогова. Начиная с «Анналов» Дерптской клиники, Николай Иванович выступает как наблюдатель исключительной силы: все описания симптомов, клинического течения болезней поразительно точны и честны. Самокритика – замечательная особенность деятельности Пирогова-ученого и врача. Наиболее ярко об этом он выразился в «Анналах»: «... торопитесь открыто сознаться Вашим товарищам в ошибках и при всех обстоятельствах старайтесь понять механизм ошибок. Я сознаюсь, что это лабиринт, в котором предвзятость, тщеславие, невежество, закрывают путь» [17].

Наряду с признанием роли и значения фактов в науке мы находим у Н.И. Пирогова указания на важность методологии в научных занятиях. Во втором «Письме из Гейдельберга» (1863) он писал по поводу занятий молодых русских ученых за границей: «... при специальных занятиях метод и направление вот главное... Не отыскав верного метода, не найдя направления, потеряешь множество времени и сам растеряешься» [20].

Но метод прилагается к фактам, а факты нужно наблюдать и наблюдать точно и правдиво. Если приложить эти требования к исследованиям Николая Ивановича мы найдем яркие иллюстрации. Он ищет метод эффективной хирургической деятельности в изучении топографии органов и постоянно возвращается к важности метода – безопасно и уверенно оперировать может только тот, кто со скальпелем в руках тщательно изучил расположение и взаимную связь органов, сосудов, фасций [2].

Важной особенностью ученого Пирогова являлось исследование изучаемого процесса в эволюционном аспекте. Так, изучение перевязки брюшной аорты, патогенеза газовой эмболии, перерезки ахиллова сухожилия, контузионно-коммоционного синдрома, обезболивания он проводил на животных раз-

личного вида и возраста (кошки, собаки, телята, овцы, бараны), фактически являясь пионером эволюционного метода исследования в хирургии [28]. Обладая широким биологическим кругозором, Н.И. Пирогов стремился выяснить взаимосвязь и переход физиологического в патологическое и наоборот. Например, травматический отек рассматривался им как нормальная местная реакция травмированной ткани, однако в зависимости от условий он может либо прекратиться, либо перерасти в патологический процесс. Изучая нагноение, ученый пришел к выводу, что, достигая определенного уровня, оно из физиологического процесса может превратиться в патологическое состояние [2, 26].

Главным в мировоззрении является решение основного вопроса философии: отношение мышления – к бытию, сознания – к материи. Говоря о природе мышления, ощущений, воображения, памяти и других актов психической деятельности Н.И. Пирогов считал: «Всякий факт должен быть произведением внешних на нас действующих впечатлений и наших чувственных ощущений». Он подчеркивал особенность мышления, значение, которое играет речь, слово, оперирование общими понятиями. «Я полагаю, – отмечал он, – что мозг есть исключительный орган индивидуального сознания; мышление же наше зависит от мозга настолько, насколько он есть орган слова и ощущений, приносимых различными органами».

Признавая внешнюю среду первоисточником всех психических актов, Николай Иванович отмечал: «Все, обнаруживаемое в нас бытием, обнаруживается посредством ощущений, т.е. посредством связи с внешним миром, – и далее, – я узнаю каждый предмет только по произведенному на меня им впечатлению и ощущению. А ощущение без моего Я для меня немислимо. Между тем для меня остается несомненным, что каждый исследованный мною предмет может и будет существовать и без меня» [18, 27].

При решении основного вопроса философии Н.И. Пирогов исходил из признания материального мира, существования его независимо от сознания, из первичности материи и вторичности сознания. Он различал два рода ощущений поступающих в мозг как орган мышления. Одни связывал с раздражениями,

возникающими во внешней среде и воспринимаемых органами чувств, другие – с раздражениями, возникающими во внутренних органах. Отсюда видно, что он стоял на позиции материалистического сенсуализма и рассматривал ощущения как отражение объективной реальности.

В понимании процессов мышления Н.И. Пирогов значительно превосходил современных ему представителей вульгарного материализма. Он рассматривал организм в единстве физического и психического и выступал против попыток строгой локализации психических функций. «Самая способность ощущения, – отмечал ученый, – некоторыми физиологами посаженная в зрительные бугры мозга, еще подразделяется и локализуется на несколько других категорий; так, зрительное ощущение должно иметь отдельное место в мозгу от ощущения слухового и т.п., и, весьма вероятно, что различные ощущения, приносимые внешними чувствами, сосредоточиваются в различных порциях мозга. Но то, что в нас ощущает, то ощущающее начало есть нечто нераздельное целое». В другом месте он пишет, что мышление «есть коллективная способность и поэтому должно быть функцией различных частей и различных гистологических элементов мозга» [8, 18, 26].

Николай Иванович рассматривал организм в единстве с условиями его существования и считал, что автоматическая деятельность нервных центров есть деятельность рефлекторная, связанная с воздействием внешней среды. Он разделял концепцию И.М. Сеченова, который указывал, что «и в категории «автоматической деятельности» центры действуют не иначе, как под воздействием извне...». Так же как и автор «Рефлексов головного мозга» он пытался «представить себе наш субъективный мир чисто физиологически», с позиции материалистического детерминизма.

Фактически еще в конце 70-х гг. XIX в. Н.И. Пирогов ставил задачу объективного изучения процессов высшей нервной деятельности и был чужд всякого рода агностицизма. Он твердо верил в прогресс научного знания и это в то время, когда среди ученых Европы культивировалась идея предельности науч-

ного знания, конечным выражением которой было *ignorabimus* (мы не будем знать) Э. Дюбуа-Реймона [6, 22, 23, 24].

Рассматривая сознание как отражение объективной реальности, Николай Иванович с материалистических позиций решал и вторую сторону основного вопроса философии – возможность научного познания объективной действительности, в частности объективного познания процессов жизнедеятельности человека и закономерностей его мышления. Причем в основе процесса познания, по его мнению, должны лежать данные, полученные в эксперименте и при клиническом исследовании. Он полагал, что «никакая философия не докажет так хорошо необходимой для всех наук связи, как специальная разработка одной части какой ни на есть науки» [18].

Научное творчество Н.И. Пирогова, развивавшееся на основе естественнонаучного материализма содержало элементы диалектики, в сочетании с отдельными идеалистическими воззрениями. В экспериментальных исследованиях (диссертация, работы по обезболиванию, патологической анатомии и др.) им применялся эволюционный метод. Причинные связи процессов и явлений вскрывались в зависимости от конкретных условий их возникновения и развития. Он выступал против мистики и интуитивизма за подлинно научное познание объективной действительности [26].

Важной особенностью естественнонаучного материализма ученого был общебиологический подход к изучению патологических процессов и понимание организма человека как целостной системы, находящейся во взаимодействии с окружающей средой. Однако в материалистических воззрениях великого ученого были и существенные недостатки. Ограниченность естественнонаучного материализма проявлялась в отрицании определенного философского метода в процессе исследования, а также в созерцательном подходе к процессу познания как результату одностороннего воздействия природы на познающий субъект. Поэтому он оказался не в состоянии правильно решить один из важнейших научных и мировоззренческих вопросов – о соотношении органической и неорганической материи. Он понимал – одно лишь механическое движение атомов

не может породить ощущения и мыслительные способности человека. «Логика» механицизма и метафизичности «вынудила» его признать существование особого вида атомов (органических), якобы наделенных наивысшими проявлениями живых существ [27].

Оказавшись бессильным решить вопрос о происхождении сознания в рамках метафизического материализма, и признав существование «особого» рода атомов, Николай Иванович делает шаг в сторону теологии – признает существование «вечного разума», якобы наделившего данные атомы мыслительными способностями. Однако даже здесь Пирогов-материалист не сдает полностью позиций Пирогову-теологу. В «Дневнике» он так описывает свою мировоззренческую борьбу: «Я все толкую о моем мировоззрении о мировом уме, о мировой мысли. Да где же головной мозг? Мысль без мозга, без слов! Разве это не абсурд в устах врача?» [18]. Кличка «материалиста» Н.И. Пирогову «не по нутру». Он не видел способа «помирить чистый эмпиризм с существованием силы вне материи, мысли вне мозга, жизненного начала вне органических тел» – и раздраженно сетовал, что «... и до сих пор, на старости, ум разъедает по временам оплот веры». Как и большинство естествоиспытателей, он имел стихийное, неосознанное убеждение в объективной реальности внешнего мира, отражаемого сознанием [18, 26].

В «Дневнике» наряду с глубокими аналитическими суждениями о процессе мышления, подтвержденными в последующем исследованиями по физиологии высшей нервной деятельности человека, содержатся высказывания пантеистического характера, рассматривающие «... ум наш... как проявление высшего мирового ума». В связи с этим сделано немало упреков жене ученого – Александре Антоновне, она-де дурно влияла на мужа, и под ее влиянием он обратился к религии и мистицизму. Однако Н.И. Пирогов не принадлежал к людям, которые легко меняют мировоззрение, под чьим бы то ни было влиянием. Вначале он интересовался только научными вопросам – в их решении был и до конца своих дней остался материалистом. Тут он доверял только опыту. Позже у него появился интерес к моральным и общественным проблемами. До их ма-

териалистического понимания Николай Иванович не дошел и его нельзя винить за это [15, 20].

Пирогов-хирург творил чудеса целебным ножом, и при этом утверждал, что все предопределено заранее; «разнимал трупы», изучал механику человеческого бытия – и размышлял о бессмертии души; принял дарвинизм – и не расстался с мыслью о «разумном начале» жизни. Все вместе это и было мировоззрение ученого Пирогова. Потому что он был не только сыном Ивана Ивановича и Елизаветы Ивановны Пироговых, но и сыном своего времени. Мировоззрение, будучи отражением уровня научных знаний, достигнутых в определенный период времени является категорией исторической [13, 25].

Автор «Дневника» писал, что не думает, «что кому-нибудь из мыслящих людей удалось в течение целой жизни руководствоваться одним и тем же мировоззрением, – и далее, – рассматривая мою жизнь, я опишу несколько мировоззрений, которым я следовал, останавливаясь на них более или менее продолжительное время». В годы расцвета научной деятельности он стоял на позиции естественнонаучного материализма. В конце жизни у него появились высказывания идеалистического характера. Необоснованность и противоречивость идеалистических высказываний, содержащихся в «Дневнике» и соседствующих с материалистической трактовкой ряда научных проблем Николай Иванович сам отчетливо понимал. Его мысли о загробной жизни и «верховой творческой воле» связаны с обстоятельствами последнего периода жизни. Было бы грубой ошибкой на основании отдельных высказываний, содержащихся в «Дневнике», написанном во время болезни, в период вынужденной изоляции от общественной деятельности зачислять великого ученого в разряд идеалистов.

Эволюция мировоззрения Н.И. Пирогова – сложное явление, требующее специального рассмотрения. Изменение во взглядах ученых на вопросы теории познания в течение жизни не является исключительным явлением. Известно много примеров, когда миропонимание, разделяемое в молодости, менялось на противоположное в зрелом возрасте. При этом характерным является то, что трансформация происходит, как правило, от прогрессивного к регрессивному.

В качестве примеров в естествознании можно сослаться на смену философских принципов у таких крупных ученых как К. Бэр, Р. Вирхов, Э. Дюбуа-Реймон, Э. Геккель и др. Из области художественного творчества к этому перечню можно добавить Р. Вагнера, Н.В. Гоголя (от «Ревизора», «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ» до «Выбранных мест из переписки с друзьями»), Ф.М. Достоевского, разделявшего в молодости революционные взгляды, но затем вставшего на позицию монархизма и «смирения», Л.Н. Толстого, пришедшего конце творческого пути к «непротивлению злу насилием» и «любви к врагам» [23].

Биолог-эволюционист Э. Геккель так объясняет это явление: «В молодости все эти смелые и талантливые естествоиспытатели охватывали всю область биологического исследования с широкой точки зрения и ревностно стремились к единой естественной основе познания; на старости лет они убеждались в том, что эта единичная основа не вполне достижима и вследствие этого совершенно от нее отказывались... Опыт жизни часто приводит не к выяснению, а к затемнению точки зрения, а с глубокой старостью наступает постепенное вырождение, как мозга, так и других органов. Как бы то ни было, эта метаморфоза по отношению к вопросам теории познания представляет сама по себе поучительный психологический факт, который доказывает, как и многие другие формы изменения «образа мыслей», что высшие душевные функции также подлежат существенным индивидуальным изменениям в течение жизни индивидуума, как все другие жизненные функции» [3].

Однако такое объяснение «возрастного» изменения мировоззрения в сторону консерватизма и мистицизма не может удовлетворить хотя бы потому, что подобные смещения не являются правилом. В одно время с упомянутыми учеными и писателями жили и работали такие, кто с твердостью пронес свои принципы на протяжении всей жизни, несмотря на болезни, старость и другие обстоятельства, отрицательно влияющие на творческую активность (А.И. Герцен, А.П. Чехов, К.А. Тимирязев, И.М. Сеченов, И.П. Павлов и др.). А.И. Герцен писал, что «ничего не может быть более удалено от твердых и застене-

лых истин, как действительное мировоззрение; оно текуче, тягуче, оно колеблется как вода в море, – но кто сдвинет подвижное море?» [4]. Подобные примеры свидетельствуют о том, что определяющим фактором стабильности мировоззрения являются, по-видимому, личные качества человека – твердость духа, непреклонная уверенность в правоте своих взглядов и решимость отстаивать их при любых обстоятельствах.

Судя по воспоминаниям Н.И. Пирогова, смена мировоззрения у него происходила от материалистического в молодости до признания на склоне лет мирового разума, воплощенного в мозге человека. Однако «Дневник» одинокого, тяжелобольного ученого, содержащий ряд противоречивых высказываний по основным вопросам теории познания не может служить единственным критерием для суждения о его миропонимании. Если «Дневник» и содержит изложение философского *credo* Н.И. Пирогова, то лишь последнего периода жизни и не дает исчерпывающего изложения его философских взглядов.

«Дневник старого врача» – это не дневник Пирогова – реформатора в науке, прогрессивного общественного деятеля. «Дневник» можно рассматривать только как документ, характеризующий сдвиги в мировоззрении ученого в последние годы его жизни, обреченного на прозябание в деревенской глуши, отстраненного от активной научной и общественной деятельности. Это исповедь человека, находившегося в мещанско-обывательском окружении своих близких, порвавшего не по своей вине связи с прогрессивными кругами русского общества, не чувствовавшего биения общественно-политического пульса эпохи и в силу этого не имевшего возможности правильно понимать и оценивать происходящие события (рис. 2).

Не отдельные идеалистические высказывания о «беспредельном и вечном разуме» и некоторые ошибочные размышления по вопросам гносеологии характеризуют мировоззрение великого ученого. Неправильной является точка зрения о том, что Н.И. Пирогов являлся законченным идеалистом. Наоборот, внимательное прочтение страниц «Дневника», посвященных миропониманию Николая Ивановича, анализу основных физиологических закономерностей

жизненных процессов (для чего собственно и писался «Дневник») показывает, что в решении проблем теоретической и клинической медицины он до конца своих дней стоял на позиции естественнонаучного материализма.

Стихийность и ограниченность естественнонаучного материализма Н.И. Пирогова, как и большинства естествоиспытателей XIX в. не позволили ему осознать значение определенного философского метода в познании действительности и явились причиной идеалистических высказываний в последние годы жизни. Однако, несмотря на ограниченность естественнонаучного материализма, он, не дойдя до раскрытия диалектики общих закономерностей развития материи и сознания, стоял на голову выше современных ему представителей вульгарного материализма. Н.И. Пирогов – гордость мировой медицины, один из гениальных ее творцов и в то же время – крупнейший представитель материалистического направления в отечественной медицине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бехтерев В.М. Н.И. Пирогов как научный и общественный деятель. – СПб, 1910. – 128 с.
2. Бурденко Н.Н. К исторической характеристике академической деятельности Н.И. Пирогова (1836–1854). //Хирургия. – 1937. – № 2. – С.3–16.
3. Геккель Э. Мировые загадки: Пер. с нем. – М., 1902. – 347 с.
4. Герцен А.И. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. II. – 654 с.
5. Геселевич А.М. Научное, литературное и эпистолярное наследие Н.И. Пирогова. – М., 1956. – 264 с.
6. Дю-Буа-Реймон Э. О границах познания природы. Семь мировых загадок: Пер. с франц. – М., 1901. – 64 с.
7. Зубов В.П. Историография естественных наук в России. – М., 1956. – Т. 2. – С.392.
8. Иванов С.Г., Хромов Б.М. Мировоззрение и научные взгляды Н.И. Пирогова. – Л., 1964. – 264 с.
9. Иванов С.Г., Малышев И.Ф., Петраков Б.Д. Русская философия и материалистические идеи в медицине. – Л., 1964. – 56 с.
10. История медицины. /Под ред. Б.Д. Петрова. – М., 1954. – Т. 1. – С.172.
11. Каменский З.А. Философские идеи русского Просвещения. – М., 1971. – С.4, 17, 21.
12. Каптерев Н. Развитие мировоззрения Пирогова. //Журн. мин-ва народ. просв. – 1915, ноябрь, ч. 9. – С.51–101.
13. Козаченко В.И., Петленко В.П. История философии и медицина. – СПб., 1994. – 296 с.
14. Менье Л. История медицины: Пер. с франц. – М.: ГИЗ. – 1926. – 322 с.
15. Петров Б.Д. Мемуары Н.И. Пирогова «Вопросы жизни. Дневник старого врача». – В кн.: Н.И. Пирогов. Собр. соч. в 8 т. – М., 1962. – Т. 8. – С.395–403.
16. Песковский Н. Пирогов как психолог, философ и богослов. //Вопр. философии и психол. – 1893. – № 16. – С.1–24.
17. Пирогов Н.И. Собр. соч. в 8 т. – М., 1959. – Т. 2. – 623 с.

18. Пирогов Н.И. Собр. соч. в 8 т. – М., 1962. – Т. 8. – 435 с.
19. Позняков Л.Н. Очерк философских взглядов Н.И. Пирогова //Сов. хирургия. – 1932. – Вып. 1–2. – С.3–18.
20. Порудоминский В.И. Пирогов. – М., 1965 – 303 с.
21. Разумовский В.И. Н.И. Пирогов как научный деятель и профессор хирургии. – СПб., 1910. – 128 с.
22. Руфанов И.Г., Геселевич А.М. Н.И. Пирогов и С.П. Боткин. //Клин. мед. – 1960. – № 11. – С.6–12.
23. Саркисов Д.С. Очерки истории общей патологии. – М.: Медицина, 1993. – 512 с.
24. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. – М., 1952. – С.136.
25. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
26. Хазанов А.Н. Естественно научные взгляды Н.И. Пирогова. – Рига: Зинатне, 1986. – 159 с.
27. Царегородцев Г.И. Диалектический материализм и медицина. – М.: Медицина, 1966. – 451 с.
28. Штрайх С.Я. Н.И. Пирогов. – М., 1949. – 256 с.
29. Энгельгардт Н. Нравственно-философские идеи Пирогова. //Новое время. – 1899. – № 8529. [Газ.]
30. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М., 1936. – 308 с.

**Иллюстрации к статье Ю.К. Абаева «Философские взгляды
Н.И. Пирогова»**

Рис. 1. Н.И. Пирогов. 1840 г.

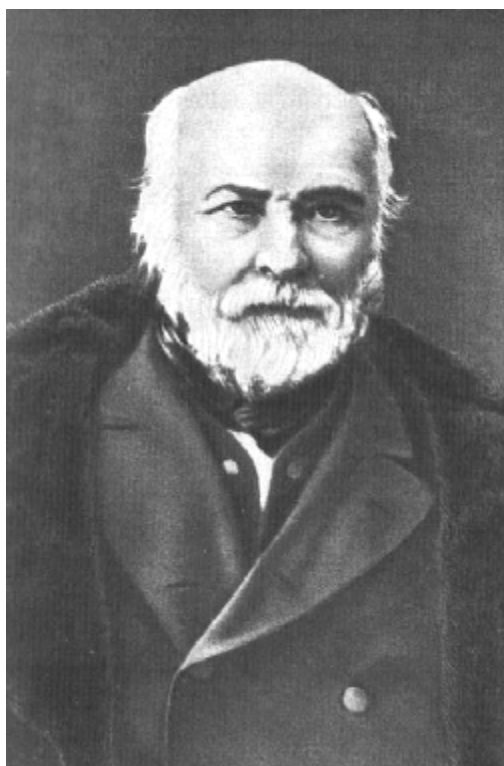

Рис. 2. Н.И. Пирогов. 1880 г.

Резюме

Ю.К. Абаев (Yu.K. Abayev)

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.И. ПИРОГОВА

Статья посвящена мировоззрению и философским взглядам великого русского ученого и врача Н.И. Пирогова.

Ключевые слова: Н.И. Пирогов, философия, мировоззрение.